

11 «Искусство» 1996, декабрь

У СПЕКТАКЛЕЙ в фойе есть, оказывается, еще не до конца изученные свойства и достоинства. Когда я смотрел «Печального однолюб» С. Соловейчика (постановка А. Некрасовой, художник Е. Качелаева) в фойе Центрального детского театра, вокруг сидели в основном учителя — и пьеса про учителей, а расстояние, отделяющее актеров от зрителей, минимальное, оно даже не отделяет, а скорее сближает тех и других, и тема интересна всем образовавшимся, так что контакт был таким прочным, как нечасто бывает. Реплики персонажей подхватывались и тут же обсуждались зрителями (по принципу «Ну, точно-точно, как у нас»), а актеры даже, кажется, не обижались: во-первых, потому, что так и было задумано, а во-вторых, все равно близко и хорошо слышно, несмотря на легкий шумок в зале, то есть, извините, в фойе. Словом, встреча зрителей, драматурга, режиссера и актеров проходила, как говорится, в обстановке сердечности и взаимопонимания. В обычном зрительном зале несколько десятков учителей просто потерялись бы, в фойе же именно они определяют атмосферу спектакля. Я, конечно, не думаю, что принцип этот надо возводить в абсолют и на постановку, скажем, «производственной» пьесы приглашать только рабочих и инженеров, но здесь, в фойе... словом, что-то было тут особенное и привлекательное. Тем более, что в пьесе С. Соловейчика обсуждается одна из «больных» проблем современной школы, и равнодушным остаться трудно.

Проблема такая: можно ли хорошо выучивать всех детей или ничего не поделаешь с тем обстоятельством, что одни дети более, а другие менее способны к наукам? Учитель Лунев (играет его Г. Печников) на словах и на деле доказывает, что можно выучивать всех — его метод (о котором мы, правда, узнаем лишь в самых общих чертах) позволяет добиться результатов, которые многим его коллегам кажутся прямотаки фантастическими: ребята не просто знают физику и математику — они любят эти предметы, их за уши не оттащишь от домашних заданий. У Лунева появляются сторонники и враги, между ними происходит весьма острая баталия, но в конце концов метод его получает признание. Зрителям предлагается следить за ходом борьбы — что они и делают, как я уже говорил, весьма заинтересованно.

С. Соловейчик пишет о том, что хорошо знает: достоверны характеры, достоверны ситуации. Наиболее яствен-

ная реакция зрителей — это реакция узнавания. Метод Лунева вызывает у тех, кто знакомится с ним, разное отношение и разные оценки — одни восхищаются, другие восхищаются, но не очень верят (что-то тут не так, нет ли какого подвоха?), третьи восхищаются и хотят сами попробовать учить так же, четвертые... ялятся. Злятся, ибо ограниченны и завистливы — есть такой психологический феномен: если ты работаешь хорошо, а я плохо, то, значит, ты нарочно работаешь хорошо, чтобы меня унижить и оскорбить. Понятно, как опас-

ным, зритель превращался в соучастника.

Правда, не всегда было активным, не всегда превращался в соучастника. И вот что интересно — контакт между актерами и зрителями ослабевал как раз тогда, когда Лунев произносил свои искренние и патетические речи о том, как надо учить детей. И еще тогда, когда шли диалоги Лунева и Шаши, в которую он в институте был влюблен, а теперь она появляется в качестве жены того самого Безрукова. То есть контакт ослабевал в тех эпизодах, где излагалась

СЮЖЕТ ПРОТИВ ПРОБЛЕМЫ

«Печальный однолюб» в Центральном детском театре

на такая логика, особенно опасна она, когда ограниченный и завистливый человек стоит на служебной лестнице на пару ступенек выше того, кому он завидует. Луневу завидует заведующий горно-строительного учителя, он плетет хитро задуманную сеть из клеветы, демагогии и обмана. Как объясняют Луневу: «Да с тобой никто не станет спорить! Все произойдет за твоей спиной, ты ничего не поймешь, что произошло, в чем ты провинился. Я видела, как это бывает! А главное, человек постепенно превращается в жалобщика и начинает совершать действительно странные поступки. Он начинает защищаться — но и защита оказывается преступлением — как смеет он защищаться!». Так все до поры до времени и идет, но распотать Лунева Безрукову все-таки не удается.

Учителя, которые пришли на спектакль, утверждали с уверенностью, были на стороне Лунева — это приятно, хотя, конечно, и не удивительно, поскольку роль написана хорошо и Г. Печников играет ее с энтузиазмом. Спектакль в фойе — вещь прекрасная еще и в том смысле, что реакция зрителя здесь ясна, и отличить вежливое молчание от заинтересованного нетрудно, а на «Печальном однолюб» и молчали-то не так уж часто, восприятие было актив-

главная мысль пьесы, и еще в любовных сценах, как правило, любимых зрителем...

Происходило это по той причине, что, увлекшись перипетиями борьбы Лунева с Безруковым, мы по воле драматурга уже забыли и думать о том, как надо учить детей, нам важнее стало, кто победит. Что же касается любовных перепетий Лунева и Шаши, то они тоже, в общем-то, мешали — тут схватка идет не на шуток, не до любви. Не до любви, не до проблемы... как-то незаметно все свелось к борьбе очередного новатора с очередным консерватором, к борьбе, в которой динамичность сюжета важнее, чем глубина мысли. И правда жизни, достоверность не то что совсем заслонились, но потеснились под напором драматургических штампов. Согласно этим штампам в личной жизни новатора должен быть беспорядок — пожалуйста: его любимая — жена его главного врага. Штамп второй — должна произойти какая-нибудь катастрофа — пожалуйста: под занавес умирает приемный сын Лунева, мальчик с большим сердцем. Аутентичный, по-настоящему интересный жизненный материал втискивается в стандартные драматургические конструкции.

Нет, я не сомневаюсь, что в жизни бывают также вот безруковы и их особ-

ники. Но я подумал: а что было бы, если бы в пьесе у Лунева не было противников — только сторонники? Стала бы его жизнь легче? Нет, пожалуй, стала бы труднее. Сейчас он борется с конкретным, явным врагом, и ему в этой борьбе помогают многие. А если бы не было врагов, если бы все помогали и речь шла только о том, что его метод нужно как можно скорее внедрять — пожалуй, тут открылось бы побольше проблем и конфликтов! Шутка ли — перестраивать систему обучения в школе, по-новому воспитывать учителей, и тем, кто признает правоту Лунева, будет не легче, чем его противникам, — все менять, переучиваться, мыслить по-новому... Ведь вопрос «как выучивать всех детей?» неизмеримо важнее вопроса «кто победит в конфликте Лунева и Безрукова, талантливого учителя и бездарного чиновника?» А получилось так, что обозначив первый вопрос, драматург ограничился ответом на второй, значительно более легкий и менее существенный.

С. Соловейчик написал пьесу-очерк, обладающую немалыми достоинствами — актуальная проблема, достоверность, жизненность. И спектакль, поставленный по этой пьесе Центральным детским театром, делает, как говорится, свое полезное и нужное дело. Но для художественного исследования проблемы более плодотворной была бы другая пьеса, пьеса-размышление о путях, которыми приходит новое в нашу школу и в нашу жизнь. Думаю, тогда выяснилось бы, что Безруков — не самый страшный противник, что инерция установившихся, апробированных методов обучения и воспитания, душевная и духовная инерция — пострашнее, ибо это качество встречается даже у людей с самыми добрыми намерениями, у людей, искренне стремящихся делать свое дело как можно лучше.

В последние годы все чаще обнаруживается непригодность стандартных драматургических решений для проблем и конфликтов, рождаемых современностью. Обнаружилось это и в «Печальном однолюб». Не будем упрекать Центральный детский театр, поставивший пьесу, — она нужна ему: в сущности актер детского театра и учитель-профессии, в которых много общего, так что разговор идет в какой-то степени между коллегами, и пользу он приносит обоим сторонам. Но, оценивая спектакль, нельзя не подумать о том, какими он мог бы быть, если бы автор пьесы рискнул сойти с проторенных драматургических тропинок.

Ю. СМЕЛКОВ.